

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0131-0097

ОГОНЕК

№ 6 (4437) ФЕВРАЛЬ 1996

Юрий Швец
Тайны разведки
Стр. 64

Умер Иосиф Бродский

Тема номера:
100 лучших судей России

Стр. 42

В джунглях Западного Ириана

Предпринимаемые сегодня попытки выручить западных заложников, захваченных повстанцами в Западном Ириане, привлекли всеобщее внимание к этому Богом забытому уголку. Но есть по меньшей мере один европеец, который почти все знает об Ириан-Джая. Известный путешественник и журналист Яцек ПАЛКЕВИЧ рассказывает для читателей «Огонька» об этом крае

Добиться до Западного Ириана — западной части Новой Гвинеи, третьего по величине острова мира, — все равно что прийти на край света.

Этот уголок мира, несомненно, относится к самым диким и самым неисследованным районам земли. Сплошные непроходимые джунгли, широко простирающиеся болота, труднодоступные горные цепи, вредный для здоровья климат всегда считались непреодолимым барьером для путешественников.

Благодаря воздушному транспорту в сердце острова появились этнографы, ботаники и всевозможные искатели приключений, но весть о враждебном поведении некоторых племен, известных своим каннибализмом, несколько сдерживала проникновение в джунгли. К тому же индонезийские власти запретили кому бы то ни было путешествовать в этих местах без официального разрешения.

Причин тому несколько. Официальная же версия гласит, что государство хотело бы гарантировать аборигенам сохранение их традиционного образа жизни, ибо, как известно, контакт с белым человеком не принес им ничего хорошего.

После года ожиданий министерство внутренних дел дало мне разрешение на пребывание в бассейне реки Мамберамо, где якобы еще живут дикие племена.

Но в административном центре Западного Ириана — Джаяпуре шеф полиции не захотел признать документа, выданного в столице. Тот, кто никогда не сталкивался с бюрократической системой этой страны, не поймет, сколько нервов и здоровья стоил этот инцидент. Понадобилось еще две недели, чтобы все уладить.

Мы летим на запад. В течение двух часов под нами проплывают дикие реки и водопады — истинная оргия зеленого ада. Для того чтобы добраться до аборигенов бауси, имеющих очень редкие контакты с внешним миром, мы должны построить плот.

Но, оттолкнувшись от берега, мы сразу же оказываемся в тисках сильного течения, которое несет нас со скоростью 4 — 6 узлов.

Мачете мы прокладываем себе дорогу сквозь плотную гущу кустарников и трав. Все, что нас окружает, — истинное королевство насилия. Лианы и фикусы в смертельном объятии опоясывают огромные стволы деревьев. Наши нервы напряжены до предела, иногда появляется мысль, что здесь совсем нетрудно заблудиться и пропасть без вести. Душный и липкий воздух, насыщенный влагой, заволакивает всю экзотику, парализует наши движения, в то время как крупные капли пота стекают по лицу и всему телу.

ДОСЬЕ

Яцек ПАЛКЕВИЧ — журналист и путешественник, поляк по происхождению. Постоянно проживает в Италии. Основатель первой в Европе так называемой школы выживания в экстремальных условиях. Руководил несколькими экспедициями в поисках малоизвестных племен нашей планеты. В одиночку переплыл Атлантический океан. Автор многочисленных книг. Свои репортажи публикует на страницах итальянского журнала «Коррьере делла сера».

Фото Я. Палкевича и И. Миналова

Только лишь на третьи сутки мы наталкиваемся на плантацию саговников — основную пищу папуасов, и сразу же после этого — на маленькое поселение.

Группа аборигенов в молчании присматривается к нам, внешне не проявляя никаких эмоций. Они среднего роста, худощавые, у них темная кожа и курчавые волосы. Единственной одеждой мужчин служит повязка на талии, а женщин — юбка из рафии. Одна из них кормит одной грудью ребенка, а другой — маленького поросенка. Мужчины с диким выражением лица выглядят довольно грозно и воинственно. И хотя до этого наш проводник уверял, что это племя уже давно не занимается охотой за головами, психическое напряжение и неуверенность просто висят в воздухе.

Напряжение разряжает одна из женщин. На вид ей лет 60, хотя вполне возможно, что в действительности нет и сорока. Она приближается ко мне, дотрагивается до моего плеча и гладит руку.

Появляется вождь племени. Он с большим достоинством приглашает нас в жилище округлой формы, где посередине разложен костер. Мы вручаем ему несколько мелких подарков, рассчитывая, что он разрешит нам остаться здесь на несколько дней.

В этом окруженном глухой природой поселении, названия которому нет, социальная структура базируется на жестком разграничении между мужчинами и женщинами. В обязанность первых входит защита поселения, ведение войн, охота. В обязанность других — занятие

домом, огородом и уходом за скотом. Конечно, у женщины намного больше обязанностей, что вовсе не дает ей возможности участвовать в ритуальных церемониях и религиозных обрядах.

Охота за головами — древнейшая традиция, так до конца и не искорененная. Многие бауси подтверждают, что во время обряда посвящения во взрослую жизнь в течение нескольких дней они должны были заниматься медитацией, держа в руках череп убитого врага.

В тот же день мы стали свидетелями церемонии, которая основана на легенде о Чиаме — женщине-каннибале. Народное верование говорит, что Чиаме жила в одном из первых поселений, существующих на нашей Земле. Однажды в джунглях она неожиданно напала на одинокого мужчину, собирающего плоды хлебного дерева. Она убила его, а потом съела его мясо. Родственники несчастного нашли ее и, убив, разбросали останки по окрестностям, что, согласно легенде, должно было стать началом плодородия и урожайности. В действительности — это концепция, лежащая в основе антропофагии. Здесь смерть дает начало жизни, то есть жизненной энергии и плодородию.

Несколько дней мы жили в доисторическом анклав, атмосфере, напоминающей фантастический фильм, где время полностью остановилось и где понятие «завтра» неизвестно. Я задавал себе вопрос, что случится с этим племенем через несколько лет, когда оно встретит на своем пути чуть больше людей из так называемой высшей цивилизации, когда появятся многочисленные туристы со своими дурными привычками, готовые заплатить за инсценированный спектакль.

■ Яцек ПАЛКЕВИЧ

примыкал к дому Анны в Воклюзе. Миттеран постоянно отдыхал здесь, немало способствовал тому, что его подруга стала довольно популярной фигурой на страницах французской и зарубежной прессы.

Знала обо всем и жена. Но они с самого начала своего брака договорились, что никак не будут ограничивать личную свободу друг друга. Впрочем, понятно, кто был автором этой идеи...

При этом Миттеран никогда не думал оставлять семью. И Даниэль ее сохраняла. Как это получалось? Даниэль однажды отрезала: «Я давно все знала, но это наши с Франсуа личные дела». И вопрос был закрыт.

Но пока ничего не говорится — ничего как бы и не существует. Официальное молчание о второй семье президента вроде бы относилось в разряд досугов первого лица — гольф, сон, мормангическая дочь... Однако чем старше становилась Мазарин, тем сильнее в Миттеране проявлялись отцовские чувства. И однажды на недвусмысленный вопрос журналиста президент ответил: «Да, у меня есть еще дочь, и что?» В конце второго президентского срока Миттеран решил публично появиться на людях с Мазарин.

Мазарин росла совершенно нормальным ребенком. Училась в платной школе, как и все, внося положенный взнос. Поступила в Сорбонну. Как и все, выбирала темы семинаров: философия, политология, история, немецкий язык. Но в то же время все признают, что Мазарин была не похожа на своих сверстниц. Что-то ее все же выделяло в их среде.

Впервые дочь вмешалась в политическую жизнь в марте 1988 года в разгар очередной кампании президентских выборов. Четырнадцатилетняя Мазарин вступила в ряды юных социалистов, всюду показываясь в майке с надписью «поколение Миттерана» (что выглядело на ней довольно двусмысленно) и призвала голосовать за своего отца.

Когда Мазарин исполнилось двадцать, Франсуа Миттеран решил окончательно «легализовать» свои отношения со второй семьей — то есть официально признать дочь и дать ей свою фамилию...

Разумеется, люди есть люди. Очень сомнительно, что между двумя семьями покойного президента не существует напряженности и тайного недоброжелательства. Но смерть Миттерана, как и его жизнь, еще раз показала пример цивилизованного подхода к самым сложным проблемам. А что может быть сложнее человеческих чувств?

■ Ирина ПЕТРОВА

Женщина президента

С первых минут разговора поневоле попадаешь под ее очарование. И думаешь: президенту повезло с его женщиной...

Иоланта Квасьневская, супруга главы польского государства, — современная женщина, совсем не похожая на салонную даму. Она не просто экономически независима — она не мыслит себя без этого. Еще в 1991 году открыла собственное агентство по торговле недвижимостью и управляет им так, что дела не просто идут в гору, но и позволяют помогать мужу деньгами — например, во время недавней избирательной кампании. Она — кандидат юриспруденции, говорит, как и муж, на нескольких языках. И еще воспитала прелестную дочь Ольгу.

Сейчас все свободное время она уделяет своему новому — на время президентских полномочий мужа — жилищу. Работа на кухне, переделки в помещениях, домашняя электрика, краны... Все, как в обычном доме, где надо менять обстановку, свидетельствующую о дурном вкусе его прежних обитателей.

— Вначале займусь спальней, — говорит Иоланта Квасьневская. — Привезу

кровать, свои картины. Потом посмотрю, что делать с этой чудовищной ванной комнатой...

Ванная действительно больше напоминает мавзолей из черного и красного мрамора, а сама ванна похожа скорее на саркофаг. Впрочем, я больше интересуюсь самой супругой президента:

— На какую из первых леди вам хотелось бы быть похожей?

— Едва ли я смогу оказывать на мужа такое же влияние, как, например, Нэнси Рейган. Ее пример не очень привлекателен для меня. Но есть много жен глав государств, которые производят самое благоприятное впечатление. Например, Жаклин Кеннеди была выдающейся женщиной, истинным послом своей страны. Барбара Буш была знаменита своим умением содержать президентский дом, Хиллари Клинтон поражает всех размахом своей благотворительности.

Думаю, и моя основная роль «президентши» заключается в милосердии и благотворительной деятельности. В Польше в этой области делается немало,

но можно добиться большего. Сейчас я думаю об обеспечении школьников завтраками, о помощи нуждающимся детям, старикам, о программах в пользу тех, у кого нет крова над головой, в пользу больных СПИДом. Словом, планирую много инициатив для общей пользы.

— А как же свое дело?

— Я люблю свою работу и не собираюсь с ней расставаться. Постараюсь совместить ее со своей новой теперь жизнью. Кроме того, нужно откровенно признать, что заработной платы моего мужа — менее трех тысяч долларов в месяц — явно не хватит, чтобы вести жизнь на том уровне, на котором мы обязаны жить.

— И все же высокопоставленный муж — серьезное испытание для всей семьи...

— Скорее всего так. Теперь остается рассчитывать на привязанность Олека и на нашу дочь Ольгу. Она уже взрослая, часто покупает для себя цветы, высказывает свои довольно зрелые мысли. Словом, я буду чувствовать рядом ее присутствие.

Что касается мужа Иоланты, то Александр Квасьневский твердо знает:

— Если она в один прекрасный день займется политической деятельностью, то сможет добиться в ней прочной карьеры...

■ Яцек ПАЛКЕВИЧ